

ГЕОРГИЙ КОНИССКИЙ О ПУТЯХ ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ

Сомов С. Э. (Учреждение образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова», кафедра литературы и межкультурных коммуникаций)

Аннотация. «Слово в неделю двадцать четвертую» было произнесено Георгием Конисским в г. Могилеве в 1755 году. Содержательно оно связано с первыми ораторскими выступлениями Конисского на Белорусской архиерейской кафедре и посвящено путям познания Истины. Построенное по принципу антитезы, данное слово представляет собой философическое размышление о двух мировоззренческих и, соответственно, жизненных позициях – христианской и атеистической, анализируемых проповедником в контексте религиозной эсхатологии.

«Слово в неделю двадцать четвертую» стало третьей воскресной проповедью Георгия Конисского в Могилеве после приезда сюда из Киева и вступления на Белорусскую епископскую кафедру (в церковнославянском языке «неделя» – воскресенье, а «седмица» – неделя в современном понимании). Данная проповедь тематически и сюжетно связана с предшествующими двумя произведениями. Если ранее Конисский раскрыл перед слушателями идею особенной важности и духовной привлекательности христианских истины – «коль благ Господь (Псал. 33, 9), коль благ закон уст Его, и сладка словеса Его (Псал. 118, 72. 103)», то теперь он пытается в краткой форме указать на основной путь познания этой Божественной благодати и ее принятия. Так, в самом начале слова он, по своему обыкновению, как философ и логик формулирует четкий тезис, за которым следует развернутое доказательство: «сколь нужно и полезно, слушая слово Божие, исполнять его» [1, с. 66].

При художественном оформлении тезиса Конисский использует ряд образных сравнений и говорит о неразрывной связи веры и дел как о связи растения и плода, человеческой души и тела, Творца и творения. Соответственно, если цвет растения без плода является пустым, тело без души – «отвратительным трупом», то и слушание слова без его исполнения также представляется проповеднику «пустоцветом».

Так, Георгий уже в начале повествования заостряет проблему «формального христианства», при котором все крещены, но в своих поступках проявляют «мертвенность жизни духовной», т. е. с нравственной точки зрения являются трупами. Свое утверждение

епископ подкрепляет весомой цитатой из Апокалипсиса, в которой Сын человеческий прямо и даже устрашающе говорит о необходимости принятия слова и его исполнения (см. Апок. 3. 1–3), и в связи с характером изречения сам обращается к слушателям с риторическим призывом внимательно слушать и Слово евангельское, и его проповедь: «Внимайте убо себе, благочестивые слушатели, да не постигнет и вас сие грозное слово, внимайте купно и слову моему» [1, с. 66]. Епископ не только формулирует тезис как некую нравственную задачу, но и, пользуясь риторическим приемом прямого обращения, привлекает, сосредотачивает внимание слушателей на содержании своей речи.

Доказательство тезиса осуществляется с использованием целого ряда притчевых по своему характеру ситуаций и высказываний из ряда книг Нового Завета, прежде всего – из Евангелия. Например, Конисский вспоминает восторженный возглас одной из женщин, слушавшей Христа, о блаженстве его Матери, носившей и вскормившей столь великого человека, и ответ Спасителя о не меньшем блаженстве каждого, кто слышит и исполняет слово Истины (см. Лук. 11, 27); приводит цитаты о том, кто есть друзья и братья Христа: «Иже бо сотворит волю Отца Моего, иже есть на небесех, той брат Мой, и сестра, и мати Ми есть» (Матф. 12, 47–49), «Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам» (Иоан. 15, 14) и др.

Конисский призывает слушателей к размышлениям о блаженстве соединения с Богом. Он пафосно восклицает: «Ум мой не в состоянии понимать, какая высокая награда уготовал Бог творящим заповеди Его!» [1, с. 67]. Его восхищают милости Творца к своему творению: Георгий подчеркивает, что даже приближенность простолюдина к сильным мира сего в земной жизни воспринимается ими как великая честь («ежели позволят близ трона постоять, при столе послужить, чашу вина поднести»), но духовная приближенность к Создателю открывает совсем иное положение, при котором человек не как раб приближается к престолу господина, но как равный ему садится на престол и разделяет с ним «державу и владычество Свое». Эту мысль Георгий разрешает с такой же высокой эмоциональностью, как и начал: в конце текстового периода звучат несколько риторических восклицаний молитвенного характера: «О безмернаго Твоего к нам снисхождения, Христе Боже наш! О несказаннаго блаженства тех, которые слышаше слово Божие, хранят е!» [1, с. 67].

Используя художественный прием антитезы, Конисский обращается и к негативному опыту характера, описывая тех людей, которые слово Истины слышат, но не исполняют, а потому лишены благодати, «не могут иметь доступа к блаженству вечному, не могут иметь собратства со Христом и Избранными Его» [1, с. 68]. Проповедник утверждает неформальный взгляд на христианский образ жизни и говорит о том, что крещение и даже постоянное хождение в храм и участие в общей молитве вовсе не являются «верой спасительной» по сути, поскольку представляют собой только внешние признаки религиозности, за которыми нередко кроется абсолютная тьма.

Подлинная вера, по словам Георгия, «есть дело самого сердца», т. е. такого рода внутреннее состояние мыслей и чувств человека, при котором человек удерживает в себе представление об Истине, нисколько не сомневаясь в ней, и даже если он чего-то недополнимает, сохраняет при любых обстоятельствах надежду на лучшее. В результате особого логического хода Конисский показывает на примере «от противного», что главными признаками безбожного, т. е. темного, безыстинного состояния является человеческое лицемерие, наличие разности в поведении в обществе и дома: «ежели кто пред людьми свят, а на едине беззаконник; то верный знак, что таковой в Бога не верует» [1, с. 69]. При этом епископ уточняет, что существует вера и без добрых дел, но какой бы горячей она ни была, по его глубокому убеждению, это вера ложная, «бесплодна и мертва», и обещает ее носителям не благодать, а суд.

Говоря о наказании безбожников, Конисский развивает мысль о неравенстве суда, о «малом и большом биении», предназначенном для не слышавших об Истине и не исполнявших слово и для слышавших Ее и не исполнявших сознательно, что наиболее плохо. Однако даже указанная разность в плане этического воздействия на слушателей, по мысли проповедника, поглощается лишь одним утверждением о том, что эти мучения, и легкие, и тяжелые, – «в обоих случаях мучения вечныя». Поэтому какими бы они ни были – они невыносимы для души.

Мысль о грядущем воздаянии за грех, безусловно, должна повлиять на ход рассуждений слушателей об Истине, подтолкнуть их к покаянию, но все же это рассуждения о смутной и отдаленной перспективе. Поэтому Георгий не удовлетворяется впечатляющими картинами Страшного суда и говорит о мучениях, которым подвергаются богоотступники уже теперь, в этой своей жизни. «... Постигает их та лютая казнь, – с сокрушением говорит Конисский, – что еще прежде смерти затворяется для них дверь покаяния» [1, с. 71]. Оратор ведет речь о людях, пребывающих в греховном, с точки зрения апостолов и святых отцов, состоянии «мудрования плотского», т. е. сознательного неприятия, игнорирования Истины, при котором они «видяще не видят» и «слышаще не слышат» слова. И поэтому Конисский делает вывод, что такая жизнь во тьме чем дольше длится – тем большим является наказанием для человека.

В финале проповеди Георгий с обычной для него высокой эмоциональностью призывает слушателей стать «творцами слова», войти в «закон совершен свободы» и вести туда же детей, т. е. переносить истину добра, усвоенную в храме, в семью, причем делать это безотлагательно, теперь же, не накапливая зло в своей повседневной жизни, и не увеличивая меру ответственности в будущем.

Литература

1. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и литогр. Я. Н. Подземского, 1892. – 470 с.